

Инга Сухоцкая

Страсти по таланту

Инга Сухоцкая

Страсти по таланту

«Автор»

2025

Сухоцкая И.

Страсти по таланту / И. Сухоцкая — «Автор», 2025

Что нужно современному писателю, чтобы достичь успеха? Знать принципы постмодернизма? Дружить с ИИ? Заботиться об имидже? Это все? Ничего не забыли?

© Сухоцкая И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава первая, развлекательная	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Инга Сухоцкая

Страсти по таланту

Глава первая, развлекательная

В литклубе «Стилос» ждали юбиляра – писателя Вениамина Вершинина. В дальней комнате все было готово к фуршету и до времени закрыто на ключ. В ближней – в «конференц-зале» – правильными рядами выстроились скамейки и стулья. Мероприятие было назначено на шесть, но пошел седьмой час, а героя торжества не было.

Николай Семенович, президент клуба и замглавы крупного издательства, – немолодой, тучный мужчина с широким лицом и барственными манерами, – сидя за председательским столом, хмуро поглядывал на пустой табурет, предназначенный для Вершинина: «У-у-у, Веня, Веня... Уж на собственный юбилей мог бы и вовремя явиться! Когда-то заранее, чуть не за час приходил, приходил и ждал как миленький... А теперь куда там! Теперь мы культовый постмодернист! Маяк и светило! Теперь пусть другие ждут. А мне сиди с ними! ... Фу-ты, упрел весь! Тоже мне начало июня! Жарит как в бане. Еще народу не продохнуть... И хоть бы кто возмутился: слава славой, но надо же человеком быть! Так нет же, фуршета ждут, собачки Павлова... Сколько там натикало?» – хотел он взглянуть на часы, когда из коридора донеслись звуки шагов и приветственные возгласы. Президент привстал, выказав широкую улыбку, и подружески раскинул руки, дескать, дай обниму тебя, юбилярушка, – но радость оказалась преждевременной, хотя отчасти оправданной. В зал вошли трое иностранцев, а значит, мероприятие принимало значение международного.

Учтиво кивая по сторонам, они направились к первым рядам, уселись перед председательской кафедрой, надеясь безотлагательно получить разъяснения относительно текущего момента. Николай Семеныч, как человек деловой и вполне объевропеившийся, знал, что внимание VIP-гостей нельзя оставлять без удовлетворения, а потому немедленно огласил свою президентскую волю:

– Мы собрались, чтоб поздравить уважаемого Вениамина Александровича с двадцатилетием литературной деятельности: деятельности писателя, переводчика и редактора. Из этих двадцати – десять лет он с нами, с нашим клубом. Десять из двадцати! Можно сказать, полжизни, пол-литературной жизни, – подпустил он романтической нотки, и тут же, словно смутившись нечаянной сентиментальностью, вернулся к делам житейским (какой актер! какой актер пропал!) – Но, сами знаете, жара, пробки... Да и гости... Не все приглашенные еще подошли. Предлагаю подождать. А через пятнадцать минут начнем. Начнем несмотря ни на что!

«Вершинин Вершининым, а “Стилос” и без него кое-что значит», – добавил про себя Николай Семеныч, немало сделавший для репутации клуба. Европейская троица, недовольно покачав головами, уткнулась в свои телефоны. «Стиляги» (так называли себя участники «Стилоса»), устремившиеся было на зов Самого, отхлынули кто куда, а Николай Семеныч, прокряхтев что-то про духоту и погоду, вернулся на президентское место и, являя пример совершенного спокойствия, закрыл глаза, чтоб предаться минутной дреме. И возможно, задремал бы, если бы не случайный разговор неподалеку:

– И что мы пишем? – спрашивал голос юноши.

– Рассказы, очерки... – отвечала девушка. Ее голос был незнаком президенту, из чего он вывел, что она из новеньких.

– Ну слава богу, не стихи!

– А чем стихи не хороши?

– Стихи-то хороши, женщина-поэт не очень.

– А как же Ахматова? Цветаева?

– Ну Цветаева – разговор отдельный, а что до Ахматовой... Это, простите, ни разу не поэзия.

– А мне нравится! – с легким вызовом отвечала юная незнакомка. – Помните: «Я научилась просто, мудро жить, Смотреть на небо и молиться Богу»... И потом, я ведь никому ничего не навязываю. Каждый сам выбирает, что читать, что писать.

– Читать и писать – это хорошо... – присоединился к ним еще один голос. Николай Семеныч, несмотря на вид сонный и почти бессознательный, невольно приподнял бровь: никак Гоша объявился. – Но в «Стилос»-то вы пришли, потому что издаваться хотите? Так ведь? Так. А писать... писать и в стол можно.

– А, Георгий! Рад видеть! – слюбезничал юноша. Николай Семеныч чуть заметно кивнул, довольный собственной догадливостью, и бровь его вернулась на прежнее место. – Однако зачем так жестоко: или издаваться, или «в стол»... Человек только пробует, первые шаги делает. Что ж так пугать? Но, милая барышня, будем честны, классика — явление музейное, оранжерейное, к самостоятельной жизни не способное.

– И нечего вам в старушки записываться, – пошутил Гоша.

– Почему ж в старушки? Ахматовой двадцать три тогда было, – упрямилась девушка.

– Во-о-от! – интригуяще протянул Гоша. – Сами говорите: тогда! Было! Стало быть, чувствуете разницу во времени? То-то же! Современней надо быть. А на небо взглянуть всегда успеете. Никакой особой мудрости в этом нет. Да и бог ваш, знаете ли, под большим вопросом. Лучше вон на Вершинина посмотрите: академического образования человек, а все про сегодняшний день понял, учел. В прозе от фанфика[1] до исторического фэнтези, – все новые формы освоил. И, пожалуйста, весь в шоколаде! Теперь хоть что пиши: хоть былины, хоть «Войну и мир», хоть историю России в -адцати томах, – всё издадут.

– Издать, пожалуй что издадут, – согласился еще один голос, тоже мужской, но вовсе не юный и точно не Гошин. – Только что он напишет, ваш Вершинин? ... Сам?! Столько лет с чужими текстами работать, чужими сюжетами пробавляться, чужими образами играть – тут своими словами и говорить, и думать разучишься.

– И вы здесь! Салют детским писателям! – бравировал юноша своими знакомствами. – И зачем вам этот юбилей, если Вершинина не приемлете?

– И вам здарсьте! Мне переговорить тут кой с кем... И я не Вершинина, я постмодернизм не приемлю. Хочешь поизгаляться? Своих героев создай, своё что-нибудь – и забавляйся. Нет же! Свое это трудно, долго, кропотливо, а чужое всегда под рукой, бери да пользуйся. Если совесть позволяет.

– Ой, да причем здесь совесть! Просто направление такое. Не выносите себе мозг и не грузите читателя, вот и весь постмодернизм, – поддержал юношу Гоша. – А Бен Саныч (так «стиляги» сокращали длинное «Вениамин Александрович») всегда узнаваем и стабильно хорош, вот и любят его, и читают.

– К тому же постоянство – признак мастерства! – радовался юноша, чувствуя, что одерживает верх.

– Устами младенца, как говорится... – давливал детского писателя Гоша. – Так что ваше раздражение, дорогой мой, либо от жары, либо от зависти. Ну, или кокетство такое, творческое...

Николай Семеныч, хоть и сохранял обличье беспробудно спящего, невольно подслушивал спорщиков и рассуждал по-своему: «Эк хвосты пораспускали, павлины! Ну с парнишкой все ясно – молодость. А Гоша-то, Гоша каков – так и вьет, так и вьет! Видать, девочка не из простых, стоит за ней кто-то... Потом разузнаю. А по сути все верно: проще надо быть, проще. Дайте читателю то, на что он падок: побольше цинизма, острых ощущений, развлеките игрой с

известными сюжетами, знакомыми героями, ну и юмора побольше, хоть белого, хоть черного, хоть в клеточку, хоть в ромбик... Читатель – человек наивный, ему, как ребеночку, сказок хочется. И чтобы сказки все время новые, а царство всегда одно, с ходу узнаваемое, – тогда и нервы быстрее успокаиваются, и все счастливы. Ну и хорошо, когда такой Гоша есть».

Этого вездесущего литагента в Петербурге знали, кажется, все, кто был причастен к литературным кругам и к миру книгоиздательства. Похожий на рыжавую книжную вошь – малорослый шатен с лоснящейся кожей, с круглыми навывкате глазками – он был известен уникальным чутьем на выгодные кунштюки[2]. Еще в советское время, будучи простым продавцом-букинистом, умудрился и на машину, и на квартиру заработать. Вот и присмотрел его Николай Семеныч, вот и приваживал: несколько лет приваживал, ни одного решения без Гоши не принимал. Благодаря ему и вырос от обычного типографа до замглавы крупного издательства, да и «Стилос» этот основал, превратившись в тяжеловеса издательского бизнеса. Кстати, и Гоше предлагал устроиться к себе, но тот предпочел свободную деятельность, оставаясь при боссе своего рода тайным советником.

Не успел Николай Семеныч нарадоваться собственной сообразительности, как из коридора послышались оживление и баритон Бен Саныча со светски-безликими «Благодарю вас», «И вы тут», «Сколько лет, сколько лет!»

«Надо ж! И часа не прошло», – хмыкнул Николай Семеныч и, тяжело поднявшись, принял самую торжественную позу для встречи юбиляра. «Стиляги» немедля распределились по стульям, иностранцы оторвались от телефонов – и все взгляды устремились навстречу Светилу, величественно проплывавшему к председательскому столу в сопровождении супруги Зойки. Нельзя же Светилу без спутника, ну или спутницы.

– Пробки, сами понимаете, – поздоровался Вершинин с Николаем Семенычем и царственно опустился на высокий табурет, указав публике найти в зале место и для супруги.

Стиляги засуетились, но исключительно из вежливости. Сама Зойка не вызвала у них интереса. В клубе не принято было обсуждать семейные отношения. Любовные – случалось, а семья – это же мещанство, быт. О чем тут говорить? Да и не походила она на легендарных жен больших литераторов: ни секретарем, ни корректором, ни даже первой слушательницей при муже не была. Более того, в литературе не разбиралась, никакой необходимости в этом не видела, если что и читала, то в основном по хозяйству. Когда-то – когда они познакомилась – это удивляло Вениамина Александрыча, а потом... Потом он понял, что рядом с ней отдыхает душой от всех этих текстов, стилей, направлений, словесных и мысленных плетений. При этом вряд ли кто-то, кроме нее, мог бы так же легко и быстро свыкнуться с его творческой натурой, так же чутко и тонко поддерживать его душевное равновесие и столь тактично представлять в обществе жену известного литератора. Вот и сейчас она скромно сидела в этом цветнике слова и мысли, слегка зардевшись от гордости за супруга, за его талант, который она, как уже говорилось, не понимала, но в который верила, видя его успехи.

Николай Семеныч, попросив тишины, хотел было произнести заранее приготовленную получасовую речь, даже первые слова припомнил, но вдруг – не иначе жара повлияла! – дал волю накопившемуся раздражению, поздравив юбиляра в самых кратких выражениях, приличествующих моменту. И надо сказать, его лаконичность так понравилась аудитории, что дальше все происходило стремительно: краткие чествования, спешные рукопожатия, несколько автографов, быстрое вручение подарка – каминных беломраморных часов («между прочим, у Куприна похожие были», – значительно шепнул Вершинину Гоша), фото на память, приглашение на фуршет, всеобщее возбуждение, нарастающий гул, легкое столпотворение в коридоре, небольшая пауза, суэта вокруг столов, веселый гам в ожидании маленького чревоугодия, – и приятный мужской голос, торжественно открыв концерт в честь юбиляра, пригласил на сцену мастера художественного свиста.

Но то ли Николай Семеныч не был поклонником сего искусства, то ли по другим соображениям, до фуршетной он не дошел, пропустив приглашенных вперед и словно нечаянно задержавшись в коридоре: издали прослушал праздничную тираду ведущего и, наскоро попрощавшись с Вершининым и Зойкой (то же застрявшими здесь), поспешил покинуть грядущее веселье.

«Хорошо быть главным! Отбубнил свое и свободен, – мялся в нерешительности Вениамин Александрыч. – Рвануть бы за ним следом! но это было бы... нехорошо было бы. Люди собрались, столы накрыли, концерт устроили, а он вот так, на первых минутах сбежит? Нет, сбежать-то сбежит (это они с Зойкой еще до Юбилея уговорились: чуть посидят и сразу – в «деревню»). Но надо же приличия соблюсти, а то народ обидится. ... Досвистит, и пойдем», – решил он, когда вдруг, чуть не в самой голове его, раздалось шипение «Бен Саныч, Бен Саныч», и некто, цепляясь за руку и шепча прямо в ухо, оттеснил его к стене...

«Опять Гоша... – отпрянул Вершинин, заметив внизу беловатое темя под паутинкой слипшихся волос, но тут же взял себя в руки. – Лучше послушать. Уж больно нюхаст товарищ на прибыль». А потому склонил горделивую шею, чтобы разобрать монотонно-невнятную речь на фоне свистовой «Аве Марии»: «Это вам от меня, сливовица[3]. Ну, вы знаете. (В руке Вершинина появился пакет с необычно большой бутылкой.) И еще... Дельце у меня к вам, пусячок. Говорят, роман ваш экранизировали... Месяца через три в прокат пойдет... А вам бы за это время новую книжицу сляпать. Знаю, знаю, не любите вы вот так, срочно да наспех – сами любите определяться. Но тут момент больно удачный. Накропали б новенького, хоть рассказик, хоть повестушку, а мы б с Николаем Семенычем придумали, как дополнить: пару статей заказали бы, из старенького что-нибудь тиснули, фотографий побольше – глядишь, страниц на триста и набралось бы. А уж раскупят влет! И вам грошик сверху, и издательству выгода, и всем – реклама, сами понимаете... Я с Николаем Семенычем говорил, – он за. Так вы с ним созвонитесь, обговорите между собой».

Вениамин Александрыч действительно ненавидел писать к дате и по поводу, свои вещи вынашивал подолгу, собирая их по крохам, по архивам и библиотекам, но если уж Гоша советует – надо подумать: время есть, авось что и выйдет. И, довольный собственной выдержкой, даже поблагодарил собеседника за торжество, за сливовицу, за подарок и за концерт. А заодно счел Гошино предложение достаточно веским обстоятельством, чтобы с легким сердцем покинуть «Стило».

Они с Зойкой уже спускались по лестнице, когда увидели поднимающегося навстречу Дему. К нему, единственному из всех гостей, Вениамин Александрыч испытывал самое искреннее, сердечное расположение, хотя их взгляды на жизнь разнились порой до противоположных, так что если бы не случай – вряд ли бы познакомились.

Пару лет назад Вершинин вместе с западными коллегами увлекся идеей искусственного интеллекта (ИИ) для любителей литературы. Со временем целая команда энтузиастов образовалась, и вдруг все замерло: найти единомышленников-литераторов оказалось куда проще, чем подходящих айтишников[4] и программистов. Вот и искали людей по всему свету, вот и пришлось Вениамину Александрычу обходить петербургские вузы, в одном из которых ему представили Дему – блестящего студента и разносторонне образованного парня. И скоро Вершинин мог сам убедиться, что помимо технических наук, юноша глубоко и хорошо разбирается в литературе, истории, искусстве, философии, весьма начитан, не любит поверхностных суждений, правда, испытывает склонность к православию, что в современной европейской культуре не слишком приветствуется, и потому никак не приближает блестящих перспектив, – но в целом кандидат был идеальным! А вот идея «Эвереста» – так, по настоянию Вершинина, был назван литературный ИИ – этого кандидата не впечатлила, скорее расстроила. Вениамин Александрыч был удивлен и заинтригован: молодой же парень, будущий ученый, о возможностях ИИ лучше других знает, понимает, что не его, так другого найдут, – и такой скепсис, кото-

рый, разве что противники книгопечатания высказывали. Впрочем, сколько еще таких недоверчивых встретится! Не лучше ль заранее подготовиться к будущим спорам, тем более когда оппонент по-человечески симпатичен, молод, умен, искренен и не лишен литературных способностей. А кроме того, уж очень хотелось Вениамину Александрычу хоть немножко отвратить Дему от заморочек с православием: ладно бы убогий какой, нет же – яркий, многосторонний, талантливый парень! В поэзии – уж точно. В этом Вершинин ошибиться не мог.

Неожиданно сильные, свежие стихи молодого человека так поразили мэтра постмодерна, что он тут же пригласил их автора вступить в «Стилос» (куда не каждого профессионального литератора брали), предлагал напечататься в любом литературном журнале, провести творческий вечер с журналистами, телевидением... Увы! Сам Дема, хоть и любил поэзию, не считал ее своим призванием, а потому от литературной стези отмахнулся не задумываясь. Подходящих айтишников к тому времени нашли где-то в Германии. А больше как будто ничто не связывало обычного студента с известным писателем, но их личное приязньство продолжилось.

Дема жадно и с удовольствием слушал рассказы о литераторах, о судьбах произведений, об истории языков, с горячностью рассуждал о созидательном азарте, позволившем восточным славянам – в отличие от западных и южных – создать свою цивилизацию. Вершинин же, глядя на эти восторги и невольно заражаясь молодой энергией, так же искренне стремился озадачить юношу неожиданными вопросами: а нужна ли была миру эта новая цивилизация, куда и к чему она ведет? Не разумнее ли довериться той культуре, которая уже привела целые страны к успеху и богатству, уже создала свои художественные ценности, то есть доказала свою мощь? Но ответы Демы так часто обезоруживали его – то глубиной, то добротой, то простосердечием, – что со временем он перестал касаться этой темы, чтобы просто наслаждаться хорошей, живой беседой. И если с Зойкой Вершинину было легко, потому что он мог забыть о литературе, то с Демой ему было легко, несмотря на причастность обоих к литературе.

Вот и сейчас, стоило Деме появиться, – Бен Саныч просиял от радости и, жестом попросив своих спутников быть как можно тише, подхватил их под руки и почти бегом устремился на улицу. Так, в полном молчании, они промчались метров триста, причем на плече у Демы болталась огромная спортивная сумка, что придавало им вид не то воровской, не то шпионский. И только у Невского проспекта все трое остановились и, почему-то оглянувшись, рассмеялись.

Едва успокоились, Дема набросился на юбиляра с поздравлениями и даже преподнес подарок – старый номер журнала «Магистраль». В нем, в этом выпуске, Бен Саныча напечатали впервые. И хотя рассказ его остался не замеченным, но молодым автором, филологом по образованию, заинтересовались в самой редакции, куда он и был зачислен сначала временно, потом – штатным работником, коим и оставался вплоть до закрытия журнала. И кажется, мог бы за годы работы найти хоть один экземпляр памятного для себя выпуска. Но не случилось. А Дема заметил, запомнил – вот и придумал сюрприз сделать! И нашел же где-то, раскопал! Бен Саныч был так удивлен, что даже с подарком обошелся грубовато: засунул абы как в пакет со сливовицей. Уж очень не терпелось ему поболтать с Демой:

– Теперь в кафе! – объявил Вершинин.

– Увы, Бен Саныч. Не могу. Подарок отдать заскочил. На автовокзал еду. В Сербию собрался, – указал он взглядом на сумку.

– В Сербию?... И не боишься? Непокойно там.

– Не в первый раз, – пожал Дема плечами. – Да и что со мной будет? У меня там друзья из местных.

– Пригласил бы сюда. Переждали бы, пока там устаканится.

– Приглашал. Не хотят. У них же там всё родное: дома, семьи, соседи... Не хотят их в беде оставлять.

– А ты зачем? Не родной вроде.

– Не-е-е! Не родной, – засмеялся Дема. – А все равно как родной. Говорю же, друзья! Ладно, – Дема видел, что Вершинин не понимает его настроения, не может понять, а потому тему снял. – Еще раз поздравляю! Здоровья, счастья, успехов! – отчеканил он скороговоркой, откланялся обоим и, быстро попрощавшись, зашагал к метро.

Вершинин скис: «Что за день! Жара эта... иностранцы... – откуда их выкопали? – (Он ждал знакомых по «Эвересту», а пришел неизвестно кто.) – Гоша... Новенького ему подавай... изверг! Единственный светлый человек, и тот... слинял! На полчаса ему не задержаться! Хотя, конечно... Это тебе не городской автобус. А все равно досадно». Вениамин Александрыч даже не заметил, как выронил коробку с часами – и чуть не на ногу... К счастью, Зойка успела – удержала, так что никто не пострадал и ничто не разбилось.

– Ты про «деревню» часом не забыл? – напомнила она, заметив, что муж задумался о своем.

Вершинин только вздохнул: «Забыл, конечно, забыл. Какая теперь «деревня»!» Зойка по одному вздоху почувствовала всю перемену и тут же подстроилась под него:

– Ладно, одна поеду. Посмотрю, что да как, уберусь. А ты потом, позже.

– Вот-вот. Ты пока там, я тут. Поработаю немного. За недельку, думаю, управлюсь, – вяло ответил Вершинин.

– Трудоголик мой ненаглядный!.. – чмокнула она его в макушку. – Надо так надо.

И скоро они ехали в такси: сначала подкинуть в городскую квартиру его, а уж потом – отвезти Зойку в Заводское.

Комедия положений! Зойка любила город, его порядки и суету, и не понимала, что за радость мужу в этом доме на окраине Петербурга, одиноко возвышающемся над осинниками и ветхими двух-, трехэтажками. Да и сам он не понимал, пока однажды жена не уговорила его сдать материнскую квартиру жильцам: и квартира простаивать не будет, и денежка какая-никакая. Он и согласился. А через месяц-другой почувствовал, насколько дорогá ему эта «деревня» (так Зойка называла Заводское). Там он становился самим собой, тем Венькой Сорокой, каким значился по паспорту, тем Венькой, который в детстве часами пропадал на крыше, мечтая бог знает о чем, тем Венькой, который был... да, юн, глуп, легкомыслен, – но до чего же счастлив! И сама мысль, что в доме, где он был счастлив, теперь хозяйничает чужой, – сама эта мысль мучила его так, что Зойка сдалась: уладила все с агентством, договорилась с жильцами, оговорила число, когда квартира освободится... И как же Вершинин ждал этого дня! По утрам ему представлялось, как однажды он проснется, а за окном – осинник до горизонта, и где-то там, под листвой – тропинки, болотца, с собакой кто-то гуляет... По вечерам вспоминал, как потихоньку затихает, засыпает «деревня»... И вот, пожалуйста: жильцы съехали, путь открыт, – но в путь отправляется Зойка, а ему предстоит задержаться в городе. Впрочем, хороший повод поскорей расправиться с писаниной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.